

Московские переулки

АДРЕС ЕСЕНИНА

Когда Сергей Есенин жил в Брюсовском переулке, выглядел переулочек несколько иначе, чем сегодня: приземистым, без крупных домов, появившихся позднее, в конце двадцатых, в тридцатые и сороковые годы, когда их выстроили для московских артистов, художников, музыкантов, чьи имена теперь читаются на мемориальных досках, во множестве укрепленных на стенах этих зданий.

Но уже тогда, в 1923 году, Есенину, чтобы пройти домой, приходилось подниматься на седьмой этаж многоквартирного восьмизэтажного дома, появившегося среди небольших домиков в этом переулке, начинавшемся от некогда Большой Никитской улицы (ныне — Герцена). И переулочек теперь называется по-другому — улицей Неждановой: она жила здесь позднее, после Есенина.

В сохранившихся письмах этот московский адрес поэт обозначал двойкой — Брюсовский переулок, 2, и Большая Никитская, 14, что одно и то же, потому что дом считается угловым. Однако если вы подойдете к углу этих улиц, то не увидите сразу есенинского дома, потому что располагается он в глубине обширного двора, за рядами старинных строений, среди которых есть даже стены XVIII века, правда, изменившие во многом фасады. А в глубине двора громоздятся кирпичные нештукатуренные жилые корпуса, говоря современными словами, жилой комплекс, довольно крупный для двадцатых годов, состоящий из четырех одинаковых, однообразных коробок — зданий, плотно прижатых друг к другу.

Какой из них Есенина? В письмах он называет его то корпусом «А», то домом «Правды», поскольку, как мне сказали старожилы, квартиры в нем занимали сотрудники издательства «Правда». А теперь этот корпус обозначается как «строение № 4». Неизменным остался лишь номер квартиры — 27. Железный рельефный номерок на хорошей деревянной двери сохранился также с тех времен, как и цветной кафель — долгожитель на лестничной площадке.

Первая дверь направо от лифта ведет в большую коммунальную квартиру, где есть комната, которую Сергей Есенин с сентября 1923 по июнь 1925 года считал своим домом, постоянным местом жительства.

Появлению здесь его предшествовало то обстоятельство, что в начале сентября 1923 года он вступил в гражданский брак с Галиной Артуровной Бениславской, хозяйкой комнаты, а в конце месяца перевез сюда свои вещи. «У меня только один друг

и есть в этом мире: Галя. Не знаешь? Вот будешь в Москве, узнаешь! Замечательный друг!» — писал поэт товарищу, приглашая его в Брюсовский переулок.

Прошло без малого шестидесять лет с того времени. В этой квартире сменились поколения жильцов. Все комнаты и кухня на одной стороне. Галина Бениславская занимала среднюю комнату. В комнате одно окно во двор, откуда видны крыши домов, прилегающих к консерватории. Рядом с ней, кстати, находилась книжная лавка поэтов (ныне здесь гомеопатическая аптека), где за прилавком часто стоял поэт.

Обстановка в комнате вначале была совсем спартанской. Обеденный стол заменял кухонный, а письменным служил ломберный столик. Мебель состояла из шведской железной кровати и тахты, двух венских стульев, табуретки, двух тумбочек. Но чистота в комнате поддерживалась идеальная. Позднее появились шесть венских стульев, стол, шкаф. Чай пили из пузатого самоварчика, за которым однажды Сергей Есенин читал поэму «Анна Снегина» матери, прибывшей в Москву проведать детей. За этим самоваром их и сфотографировали.

В этой комнате стала жить и сестра Есенина Катя, а позднее и вторая младшая сестра Шура. Свою любовь к поэту Галина Бениславская перенесла на его сестер.

Александра Есенина, младшая сестра, подробно описала комнату в Брюсовском переулке, а главное, запомнила, как брат писал стихи: «Часами он сидел за ломберным столиком или за обеденным столом. Устав сидеть, он медленно расхаживал по комнате из конца в конец, положив руки в карманы брюк или положив одну из них на шею. На столе не любил беспорядка и лишних вещей, и если это был обеденный, то на чистой скатерти лежали только лишь бумага, его рукопись, карандаш и пепельница...». Того, кто заходил в эти минуты в комнату, он не замечал.

Был еще один постоянный жилец — веселый пес по кличке Сережка, купленный поэтом по случаю на толкучке за пять рублей как породистая собака, оказавшийся при ближайшем рассмотрении дворняжкой, быстро выросшей в здорового пса.

Часто приходил сюда и двоюродный брат Есенина — Илья, привезенный им в Москву учиться.

Как дружно ни жили на 16 метрах и как ни боготворили поэта, а своего угла у него здесь быть не могло. Он часто уез-

жал отсюда: в деревню, в Ленинград, на Кавказ...

Когда один из знакомых заметил: «Вечно ты шатаешься, Сергей. Когда же ты пишешь?», — последовал ответ:

— Всегда!

Есенин возвращался в Москву, и комната в Брюсовском наполнялась многочисленными гостями: писателями, артистами, художниками, издателями. Тогда читались стихи, пелись песни, в чем особенно преуспевали сестры.

Александра Есенина, бывшая тогда ребенком, позднее писала: «Очень трудно было жить в одной комнате. Особенное неудобство доставляла я...».

Есенин жаждал получить в Москве свою квартиру или хотя бы комнату.

Несмотря на тесноту, в Брюсовском переулке жили не в обиде. Есенин продолжал творить, создавал стихи и поэмы. Нелегко ответить на вопрос, какие из них родились в Брюсовском переулке. В 1924 году после похорон В. И. Ленина пишутся строки, посвященные Владимиру Ильичу, ставшие частью поэмы «Гуляй-поле»; 26 мая создается стихотворение «Пушкину», прочитанное вскоре у памятника поэту перед толпой москвичей. Вернувшись в Москву после поездки в Ленинград, поэт за шесть дней написал «Поэму о 36», посвященную борцам с самодержавием. Известно также, что сюда, в Брюсовский переулок, Есенин вернулся с Кавказа, привезя много новых произведений. Как пишет поэт В. Наседкин, «Анну Снегину» набело переписывали уже здесь, в Москве, целыми часами просяживая над ее окончательной отделкой. В такие часы по домашнему уговору его оставляли одного, предварительно сняв трубку с телефона».

В пору жизни в Брюсовском переулке Сергей Есенин побывал у артиста Василия Качалова и познакомился с четырехмесячным щенком Джимом, после чего, как известно, появились чудесные строки, посвященные собаке Качалова: «Дай, Джим, на счастье лапу мне...».

Великий артист также поселился в этом переулке, в доме № 17, но позднее, в 1928 году. Есть еще один дом в бывшем Брюсовском переулке, в самом конце его, где укреплена теперь среди других мемориальная доска режиссеру Всеволоду Мейерхольду. В его квартире росли двое детей поэта — Татьяна и Константин. Последний — известный московский спортивный журналист Константин Есенин — помогал мне написать этот очерк.

Лев КОЛОДНЫЙ.